

ФУМИКО ЭНТИ

円地 文子

ЗАКЛАДКА
С КОТОМ
ВНУТРИ

ЦИТАДЕЛЬ

Фумико Энти
Цитадель
Серия «Маскот. Путешествие
в Азию с белым котом»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=72428131

Цитадель: Эксмо; Москва; 2025

ISBN 978-5-04-229190-6

Аннотация

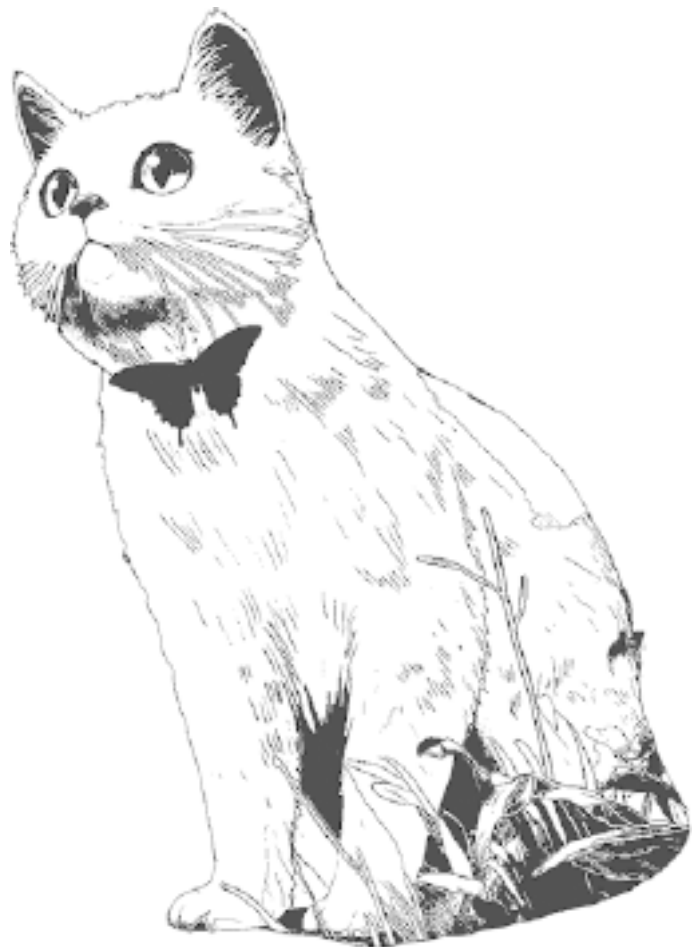
Фумико Энти в «Цитадели» раскрыла семейную тайну. Писательница сделала героиней романа свою бабушку, жившую в начале эпохи Мэйдзи. В эпоху, когда старый феодальный уклад уживался с революционными преобразованиями. За «Цитадель» Фумико Энти получила одну из самых престижных японских литературных премий – Нома.

Муж повелел Томо выбрать на свой вкус молоденькую наложницу и привести ее в их семейный дом. Как послушная жена, Томо подчинилась. Как женщина, Томо покрыла свою душу непробиваемой броней и превратилась в цитадель. Отныне ей придется наблюдать, как сластолюбивый муж обольстит сначала юную наложницу, потом соблазнит невинную служанку, а затем заведет роман с женой своего умалишенного сына. Сможет ли цитадель устоять от такого напора или ей суждено пасть?

Белый кот Мичи – маскот серии. Вместе с вами он оправится в книжное путешествие по странам Азии: от чарующей Японии до загадочного Тайваня. Мичи будет поджидать вас на страницах книги. Вместе с ним вы разделите впечатления от прочитанного.

Содержание

Такая неженская «женская проза» Фумико	8
Энти...	
Часть первая	17
Глава 1	17
Конец ознакомительного фрагмента.	37

Фумико Энти Цитадель

Fumiko Enchi
ONNAZAKA

Copyright © 1957, The Heirs of Fumiko Enchi + All rights reserved

© Дуткина Г., перевод на русский язык, 2025

© Издание на русском языке. ООО «Издательство «Эксмо», 2025

Такая неженская «женская проза» Фумико Энти...

Роман японской писательницы Фумико Энти «Цитадель» (в оригинале «Оннадзака») столь многослоен и монументален, что может претендовать на солидное научное исследование. Но если все-таки попытаться выразить кратко впечатление от этого не по-женски мощного произведения, можно выделить несколько параллельных пластов: профессиональная историческая точность, неженская, даже жестокая эротика, страстный феминизм, почти классическая

изысканность и утонченность слога и ошеломляющая, совершенно не японская открытость и откровенность.

Роман считается одним из наиболее значительных исследований женской психологии в японской послевоенной литературе и по праву удостоен самой престижной японской литературной премии Номы.

Это абсолютно достоверный и точный слепок Японии конца XIX в. – и доподлинная история жизни бабушки писательницы по материнской линии. Это семейная тайна, о которой несколько поколений женщин семьи Фумико Энти осмеливались говорить разве что шепотом и полунамеками.

Действие разворачивается в начале эпохи Мэйдзи. Эпоха Мэйдзи, особенно ее начало, – одна из самых драматичных и пассионарных в истории Японии. С 1603 г. Японией правили сёгуны – военные правители, стоявшие во главе военной ставки «бакуфу». Сёгуны обладали верховной властью в стране, император же был полностью изолирован от политической жизни, имел функцию верховного жреца и не «осквернял себя делами земными». Но в 1867 году сёгунат пал. В оппозицию сёгунату встали самые разные социальные слои: и придворная аристократия, и крупные князья юго-западных княжеств, и самураи высших и низших рангов, а также верхушка нарождавшейся буржуазии. Императору Мэйдзи было передано официальное право вершить государственные дела. Появление манифеста о восстановлении императорской власти 1868 года и последующие собы-

тия называют «реставрацией Мэйдзи». Реставрация монархии по своей сути носила характер незавершенной буржуазной революции, так как события 1868–1869 гг. открыли путь к капиталистическому развитию и ускоренной модернизации Японии. Реформы, осуществленные новой властью, радикально изменили структуру японского общества, заложили основы процветания Японии в современном мире.

Начало же эпохи Мэйдзи – это особый, переломный момент в истории страны, неистовый водоворот страстей, в котором переплелись воедино отживающее старое и нарождающееся новое. Особенно драматичны, а порой даже трагичны были психологические и бытовые перемены, перемалывавшие, словно в мясорубке, судьбы людей. Старый уклад упорно цеплялся корнями, не желая уступать революционным нововведениям. Япония начала эпохи Мэйдзи являла собой многоцветную и причудливую картинку калейдоскопа, в которой сочеталось самое несочетаемое. Замужние женщины по-прежнему чернили зубы, бесправные жены неукоснительно подчинялись прихотям мужей, следуя канонам неоконфуцианской морали, девочек из бедных семей все еще продавали в веселые дома – но на фоне этого в роскошных особняках аристократия устраивала «европейские» балы и благотворительные базары, студентки выстригали себе «европейские» челки, рикши сменялись трамваями, молодые политики-реформаторы наводнили Европу, изучая западное право и систему образования, строились новые шко-

лы, в том числе частные школы, для освоения западных знаний, а женщины получили равные с мужчинами возможности для получения образования... В Японию, открывшуюся для мира, лавиной хлынула западная культура: знания, литература, которые самым непостижимым образом сплавлялись с традиционным наследием. Все это существовало рядом, бок о бок, ибо во всех переменах присутствовал некий неявный компромисс между консервативным и новым. В романе Фумико Энти «Цитадель» с удивительной яркостью отображена именно эта особенность эпохи.

...Влиятельный чиновник Юкитомо Сиракава, олицетворяющий в романе осколок старой, традиционной Японии, отправляет свою безоговорочно послушную и преданную жену в Токио для того, чтобы та сама, по своему вкусу, нашла для него молоденькую и невинную любовницу, которую он намерен взять в семью. За первой наложницей появляется вторая, затем следует бурный адюльтер с собственной невесткой – второй женой сына. Все эти женщины довольно мирно уживаются в доме, где уже есть законная супруга, образуя странную большую семью. Но жизнелюбивый Юкитомо не ограничивается главными «привязанностями». Как бы вторым планом через роман проходят его интрижки с гейшами, танцовщицами, служанками – словом, женщинами «второго сорта». В принципе, ситуация вполне обычная и даже нормальная для феодальной Японии, особенно для выходца из самурайского клана, однако на фоне разворачивающихся

в стране преобразований подобная ситуация, скажем, в Европе выглядела бы диким анахронизмом. Но в Японии все иначе. И усадьба Юкитомо Сиракавы многие годы высится несокрушимой цитаделью среди подступающих бурных волн прилива новой жизни. Усадьба стоит на холме. Образ дома на вершине холма отнюдь не случаен. В доме Сиракава время словно остановило свой бег. В его стенах страдают, ревнуют, радуются, плачут и стареют соперничающие, но по-своему привязанные друг к другу женщины, сменяются поколения, вырастают дети и внуки, а новая жизнь только глухо плещется где-то вдали, внизу, за глухими стенами особняка, стоящего на вершине холма посреди фруктового сада...

Центральной фигурой, стержнем романа является законная жена Томо – удивительный женский образ, созданный гениальным пером Фумико Энти. Конфуцианская мораль требует от еще молодой и по-женски привлекательной Томо безоговорочного подчинения унижительным прихотям мужа... Она привыкла, она приучена подчинять свою жизнь интересам семьи и супруга. Но Томо – не обычная женщина, она намного превосходит своего деспотичного мужа силой духа. Долгие сорок лет она проводит в бесконечной, скрытой за внешней невозмутимостью борьбе с окружающим ее миром за право быть человеком, за независимость и внутреннюю свободу – с мужем, любовницами мужа, с постоянно выходящими из повиновения домочадцами, с общественным мнением, а главное – с опутывающими ее догмами и устоями

конфуцианской морали.

Образ «цитадели», «крепости» красной нитью проходит через весь роман. Цитаделью является не только сама усадьба Юкитомо, не желающего признавать новую жизнь. Незыблемой крепостью является для Томо ее дом, ее большая семья, чьи интересы превыше ревности и обиды. Собственно говоря, именно в бесконечной борьбе за благопристойный образ семьи в глазах окружающих, в заботе о ее финансовом благополучии она и черпает силы жить и сопротивляться. Своего рода «цитаделью», несокрушимой, не поддающейся недугам и жизненным невзгодам воспринимается и сама Томо, которую домочадцы эгоистично привыкли считать едва ли не «бессмертной» и вечной... Но жизнь вносит свои коррективы – и все «цитадели» рушатся одна за другой. Умирает и Томо, успев осознать, что все то, за что она так неистово боролась, во имя чего жила – ее богатый и чопорный дом, ее большая и внешне безупречная семья, ее первенство, с таким трудом отвоеванное ею, – не стоит маленького, но искреннего и бесхитростного человеческого счастья, живущего в скромной лачуге бедняка. Ее внутренний бунт на смертном одре, взрыв десятилетиями подавляемых эмоций в конце повествования носит столь сокрушительный, почти брутальный характер, что буквально разрывает на части кажущийся несокрушимым мир мужского эгоизма. Однако писательница слишком честна, чтобы рисовать эту картину только черной и белой красками. Юкитомо – порождение своей

эпохи, системы большой патриархальной семьи «иэ», самого государства – но ведь и Томо тоже...

Героиня Фумико Энти столь же неординарна, страстна и не по-женски сильна, как и сама писательница. В образ Томо Сиракава она вложила себя, свои мысли и чувства. Не случайно писательница отдала роману восемь лет жизни. Она сумела преодолеть барьер между мужской и женской прозой и встать вровень с такими классиками двадцатого века, как Ясуси Иноуэ и Масудзи Ибусэ. Фумико Энти родилась в 1905 г. и начала свою литературную карьеру очень рано и успешно, когда ей едва исполнился 21 год. Однако затем последовало неудачное замужество, рождение ребенка, долгая тяжелая болезнь (рак матки) и война. Только после 40 лет Энти смогла вернуться к литературе, но упустила время и была вынуждена зарабатывать на жизнь, сотрудничая с мелкими журналами. И лишь когда ей исполнилось пятьдесят два, она сумела закончить свой монументальный роман «Цитадель» («Оннадзака»), который был удостоен высшей награды – премии Номы.

Фумико Энти серьезно увлекалась классической литературой (впоследствии перевела на современный японский язык шедевр японской классики «Повесть о принце Гэндзи»). И это не могло не сказаться на стилистике «Цитадели». Язык романа изумителен по своей красоте, описания женских лиц, красочных кимоно, старинных причесок воспринимаются как поэтические вставки. Семья Сиракава жи-

вет в своей усадьбе-цитадели как аристократы эпохи Хэйан – утонченно наслаждаясь природой, поэзией, музыкой, всецело отдавая себя страстям. Аморальные по сути любовные связи мужа с любовницами описаны столь изысканно, что напоминают прелестные эротические новеллы Сайкаку, а распущенность нравов кажется нормой жизни. Но ведь и в самом деле в феодальной Японии женщина рассматривалась исключительно как объект любовного приключения! Так что Томо испытывает к наложницам мужа даже симпатию и человеческое сочувствие – в традициях морали эпохи Хэйан. Даже в уродстве таких отношений писательница умеет находить скрытую красоту, «очарование вещей». Что характерно, каждая глава романа посвящена возлюбленным мужа, а предпоследняя глава – возлюбленной внука Томо, его сводной сестре. Все героини наделены особыми чертами, своим неповторимым обликом и характером, – точно так же, как в «Повести о принце Гэндзи». Но между Фумико Энти и Мурасаки Сикибу, написавшей «Повесть о принце Гэндзи», огромная пропасть. Мурасаки не признает за женщиной право на самостоятельный выбор, женщина должна быть покорной и верной, несмотря на измены мужчины. Героиня Фумико Энти другая, она борется за свое достоинство и независимость, по существу олицетворяя зарождающийся феминизм в Японии. Одна Томо предстает в романе современной и практичной, сумевшей приспособиться не только к своей горькой судьбе, но и к новой жизни. Она в одиночку

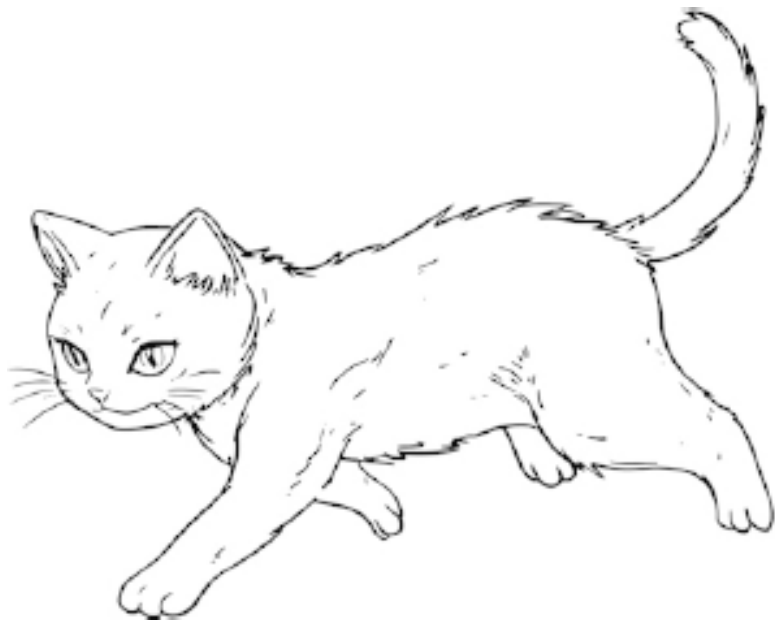
ведет огромное хозяйство и занимается финансами семьи, контролируя многочисленные доходные дома, принадлежащие дому Сиракава.

Роман «Цитадель» напоминает водоворот, бурлящий под внешне спокойной водной гладью. Неистовые, временами почти безумные нотки звучат словно под сурдинку, порок исполнен очарования, а очарование способно вызывать омерзение. Галерея красавиц, словно сошедших со средневековых гравюр, поражает воображение. Но главное достоинство романа – это запредельная честность писательницы, открывающей без ложной скромности и притворства самые потаенные уголки женской души. Прочитав «Цитадель», даже самый искушенный ценитель Востока, скорее всего, удивится – и посмотрит на Японию совершенно иными глазами. И поймет, что, как же мы, в сущности, мало знаем об этой стране и ее обитателях...

Фумико Энти скончалась в 1986 году. Незадолго до смерти ее избрали в Академию Искусств. Помимо премии Номы награждена премией Танидзаки и Орденом культуры.

Г. Дуткина

Часть первая

Глава 1 Раннее цветение

Лето только вступало в свои права. Был тихий солнечный полдень.

Кин Кусуми хлопотала по хозяйству с раннего утра. Дом ее стоял на берегу реки Сумидагава в богатом квартале Ханакавадо токийского района Асакуса. Срезав в маленьком садике несколько белых вьющихся клематисов, Кин долго возилась с цветами, любовно устраивая их в токонома¹. До этого она вылизала до зеркального блеска две смежные комнаты на втором этаже. Окинув удовлетворенным взглядом результаты своего труда, Кин похлопала себя по натруженной пояснице и спустилась вниз по темной лестнице.

В тесной, примыкавшей к прихожей комнатке, подле за решеченного окна сидела за шитьем ее дочь Тоси. Тоси как раз пыталась вдеть нитку в ушко, держа иглу против света. В комнате плясали отражавшиеся от поверхности реки солнечные блики. Тоси подняла глаза на мать: Кин держала в руках сверток плотной, пропитанной лаком бумаги, в которой она принесла в дом клематисы.

– Часы у соседей уже пробили три... Что-то гости запаздывают... Да, матушка?

– Ох, неужели уже так поздно?.. Впрочем... Они же едут от самой Уцуномии, меняя по дороге рикш... Писали, что прибудут пополудни, но, похоже, раньше вечера не успеют...

¹ Токонома – стенная ниша с приподнятым полом в традиционном японском доме. В токонома принято ставить вазу с икебаной, вешать свиток с картиной или каллиграфической надписью.

Кин присела к длинной жаровне-хибати² и раскурила тонкую серебряную трубочку с бамбуковым черенком.

– Вы, матушка, с самого утра в заботах... Устали, поди, – заметила Тоси, поправляя иголкой слегка растрепавшийся пучок. Затем воткнула иглу в красную подушечку, лежащую на станке для шитья, завернула в оберточную бумагу кусок пунцового шелкового крепа и подошла к матери, слегка подволакивая изуродованную болезнью ногу. Видимо, тоже решила дать себе отдых.

– Наводи порядок, не наводи... Хоть каждый день убирайся, все равно грязь! – Кин развязала тесемки, прихватывавшие во время работы длинные рукава кимоно, и брезгливо выбила пыль из черного атласного воротника. Она даже не обмолвилась о том, каких чудовищных усилий ей стоило протереть притолоку и щель в поперечной декоративной балке, – для чего пришлось взгромоздиться на специальную подставочку, – однако ее буквально распирало от гордости. Работа была поистине безупречной.

– Интересно, с чего это госпожа Сиракава решила пожаловать в Токио?.. – задумчиво протянула Тоси, потирая кончиками пальцев утомленные глаза. Проблемы уборки явно не волновали ее.

– Что ты хочешь этим сказать? – подозрительно покосилась на нее мать. Кин была молода душой, а Тоси из-за болезни упустила шанс выйти замуж, так что они общались друг

² Хибати – вид жаровни для обогрева помещения в японском доме.

с другом скорее как сестры, нежели как мать и дочь. Порой Тоси выказывала даже большую зрелость в суждениях, чем сама Кин.

– Они же писали, что хотят осмотреть Токио... Что ж в этом особенного? – пожалала плечами Кин.

– Не знаю, не знаю... – с сомнением пробормотала Тоси, задумчиво склонив голову. – С чего это такой важной даме попусту тратить время, глаза на столичные достопримечательности? Ее супруг – главный секретарь в префектуральной управе. Второй человек после губернатора...

– Да, верно. Весьма влиятельный человек. – Кин выбила трубку о край жаровни. – Высоко взлетел... Даже не думала, что так вознесется. Когда они жили по соседству с нами, господин Сиракава служил в Токийской управе. Впрочем, он и в те времена отличался недюжинным умом и хваткой. Было видно, что далеко пойдет.

– То-то и оно, – с нажимом сказала Тоси. – Ну посудите сами: бросить занятого делами супруга и укатить с дочерью и служанкой любоваться видами Токио... Удивительное легкомыслие! Я бы еще поняла, если она приехала навестить родителей... Но они же живут на Кюсю?

– Ну да... Госпожа Сиракава родом из Кумамото, как и ее супруг. Но что из того? Что ты имеешь в виду?.. – Кин пристально всмотрелась в лицо дочери. – Ты хочешь сказать, что они собрались разводиться?.. Не может быть! В письме и намека не было на такое...

– Да-да, разумеется... – прошептала Тоси, облокотившись о накрытый ватным одеялом край жаровни. Взгляд у нее был какой-то блуждающий, отрешенный, словно устремленный за пределы земного.

Кин всякий раз мороз пробирал по коже от странных предвидений дочери, сбывавшихся непостижимым образом. Она завороженно смотрела на Тоси, словно на всесильную прорицательницу, но Тоси вдруг резко отняла от лица руку и вздохнула.

– Нет... Ничего не могу понять.

* * *

Не прошло и часа, как к воротам дома Кусуми подлетели рикши. Из двух колясок вышли госпожа Томо Сиракава, ее дочь – девятилетняя Эцуко – и служанка Ёси.

Первым делом гости смыли в загодя приготовленном фу-ро³ дорожную пыль и грязь. Вскоре Томо Сиракава сидела в гостинной, преподнося подарки хозяйкам дома: сушеные персимоны, лаковую утварь из провинции Айдзу, – словом, то, чем издревле славилась Фукусима. Кроме того, она вручила Кин и Тоси красиво завернутые отрезы дорогих тканей, каждой с соответствующим возрасту узором.

На Томо Сиракава было строгое кимоно в полоску. По-

³ Фуро – ванна в японском доме. Традиционно представляла собой высокую кадку, наполненную очень горячей водой. Фуро принимали сидя.

верх кимоно на горделиво выпрямленных плечах ладно сидела накидка хаори⁴ с фамильным гербом. Вообще весь ее облик дышал невероятным достоинством, которого не было в те времена, когда она жила по соседству с Кин. За прошедшие пять лет Томо Сиракава обрела новый лоск жены высокопоставленного чиновника. Ее глянцево-смуглое лицо было, пожалуй, излишне широковатое, так что небольшие глаза, рот и довольно мясистый нос размещались на нем слишком свободно. В ней не было и намека на нервную утонченность натуры, однако в полуприкрытых набухшими веками узких глазах, призванных скрывать любые эмоции, сквозило странное раздражение. Именно этот тяжелый взгляд, а также чопорность жестов и неестественная правильность речи всякий раз внушали Кин странное смущение при встречах с Томо на протяжении двух лет соседства, несмотря на сердечную теплоту отношений. В Томо никогда не было ни заносчивости, ни высокомерной неприязненности – словом, ничего, что можно было поставить в упрек. Пожалуй, разве что слишком закрыта – и только. Однако в теперешней Томо появилась особая церемонная горделивость.

Эцуко была сущим ребенком, непосредственным и живым, с короткими волосами, собранными в детский пучок «табакобон». Она не отрывала восторженного взгляда от решетчатого окна, за которым плескалась диковинная река –

⁴ Хаори – накидка японского покроя, принадлежность парадного, выходного японского женского и мужского костюма. Существуют также дорожные хаори.

Сумидагава.

– Да она обещает стать настоящей красавицей! – искренне восхитилась Кин, разглядывая белое личико Эцуко с правильными, словно выточенными чертами и изящным, с горбинкой носиком.

– Дочь пошла в своего отца, – проронила Томо.

Действительно, в изящном овале лица Эцуко и длинной, гордо поставленной шее было куда больше сходства с отцом, нежели с матерью.

– Эцу! – негромко окликнула Томо, и Эцуко, втянув голову в плечи и вся сжавшись, тут же вернулась на место и села подле матери.

– Как славно, что вы решились оставить хозяйство и навестить нас! – щебетала Кин, подавая гостям чай. – Я слышала, господин очень поднялся по службе... Теперь он почти такая же важная птица, как сам губернатор... Наверное, трудно быть супругой столь влиятельного чиновника?

– Я мало что знаю о его служебных делах, – бесцветным голосом проронила Томо. В ответе не было даже намека на чванство, хотя Кин частенько слышала сплетни о том, что чета Сиракава живет с роскошью и размахом семьи настоящего даймё⁵.

Некоторое время разговор вертелся вокруг ничего не зна-

⁵ Даймё – крупный феодал, богатый и влиятельный феодальный князь в эпоху Токугава, или Эдо (1603–1867). Слово «даймё» существовало и в другие эпохи, например, в Хэйан, Камакура, Муромати и т. д., однако имело несколько иные нюансы.

чащих тем: главным образом, о жизни в столице – о новых веселых кварталах, во множестве появившихся в Токио, о новых модах в женских прическах, разительно переменившихся после отъезда Томо в Фукусиму, о пьесах в театре «Синтоми»... Вдруг гостья, оборвав себя на полуслове, сказала:

– В сущности, мы можем жить в Токио и развлекаться, сколько душе угодно. Хотя... по правде сказать, есть одно небольшое дельце... – В этот момент она отвернулась, чтобы поправить красный гребень в волосах Эцуко. Тон у нее был самый невыразительный, Кин даже внимания не обратила, однако Тоси будто кто-то толкнул. Дело, что привело госпожу Сиракава в Токио, было невероятной важности! Томо держалась сдержанно и невозмутимо, но ее словно тянул ко дну немыслимо тяжкий груз...

На другой день Тоси, обычно не выходившая из дому, в благодарность за подарки пригласила Эцуко посетить храм богини Каннон⁶. Вскоре веселая компания – Тоси, Эцуко и служанка Ёси – радостно отправилась на прогулку.

– Купи ей книжку с картинками в торговом квартале у ворот храма, – посоветовала Кин.

Проводив дочь с гостями до ворот, она сразу же поднялась на второй этаж, к Томо. Сидя на коленях, Томо складывала дорожные кимоно в плетеный короб с крышкой и доставала чистые. По небу плыли белые облака, отражаясь в зеркаль-

⁶ Богиня Каннон – богиня милосердия в буддийском пантеоне.

ной глади воды, и ответ их наполнял комнату ярким светом.

– О-о... Уже за работой... В столь ранний час?... – покачала головой Кин, опускаясь на колени на веранде, перед входом в комнату Томо.

– Эцуко стала совсем большая... То это требует взять, то другое... С ней стало трудно путешествовать. – Томо помедлила. – Госпожа Кусуми... Вы сейчас не слишком заняты?

Тут она привстала с колен, чтобы уложить поглубже в короб детское авасэ⁷ из желтого шелка с черно-коричневым узором, так что Кин не разглядела ее выражения лица. Вообще-то Кин поднялась на второй этаж просто так, поболтать, но что-то в голосе гостьи заставило ее раскаться в содеянном.

– Да нет... Я могу вам чем-то помочь?..

– Ну... если вы очень заняты, то разговор можно отложить на потом... Хотя лучше покончить с этим сейчас, пока Эцуко нет дома... – неторопливо проговорила Томо и положила дзабутон⁸ на циновку рядом со входом. – По правде сказать, у меня к вам просьба. Не могли бы вы оказать мне любезность?

– О-о... Ну разумеется... Для вас я сделаю все, что в моих силах! – с наигранным воодушевлением отозвалась Кин, отчаянно пытаясь угадать, к чему клонит Томо. Та сидела,

⁷ Авасэ – кимоно на легкой подкладке.

⁸ Дзабутон – плоская подушка для сидения на полу в японском традиционном доме.

потупившись и благочинно сложив на коленях руки. В уголках рта прорезались тонкие складочки – словно Томо слегка улыбалась.

– Видите ли, у меня не совсем обычная просьба... – Томо подняла руку, чтобы поправить боковой локон. Она была немыслимо педантична в вопросах внешности и терпеть не могла, когда из прически выбивался хотя бы волосок. У нее даже в привычку вошло время от времени проводить по волосам ладонью, словно проверяя, все ли в порядке, – хотя прическа всегда была безупречна.

И тут на Кин словно озарение снизошло: вон оно что... Похоже, дельце-то связано с женщиной... Когда чета Сиракава жила в Токио, посторонние дамы частенько заходили на половину супруга, и Кин было известно, что это страшно нервировало Томо. Теперь же, когда Сиракава взлетел до таких служебных высот, его легкомыслие, видимо, обрело иные масштабы. Однако Кин постаралась хранить на лице недоуменное выражение: дело-то слишком щекотливое. В таких ситуациях не пристало выказывать чрезмерную проницаемость, такого благовоспитанные городские дамы не должны себе позволять.

– Не стесняйтесь. Вы можете попросить меня о чем угодно, – улыбнулась она.

– Ну... Раз я вынуждена прибегнуть к вашей помощи, то... – Неуловимая улыбка, как на маске театра Но, застыла в уголках губ Томо. – Дело в том, что мой муж повелел при-

везти ему из Токио девочку-служанку лет пятнадцати-семнадцати. Во всяком случае, не старше восемнадцати. По возможности, из добропорядочной семьи. Главное, чтобы она была хороша собой.

Улыбка в уголках губ обозначилась отчетливее, но глаза, прикрытые тяжелыми веками, вспыхнули мрачным огнем.

– О-о... Вот оно что... Понимаю, – протянула Кин. Она сама ощутила, как фальшиво звучит ее голос, и от смущения даже глаза опустила. Одной фразы Томо было достаточно, чтобы понять, – ее дочь опять не ошиблась в предчувствиях.

Кин перевела дух и заметила:

– Когда мужчина достигает столь высокого положения... Наверное, *это* диктуется необходимостью, верно?..

– Да... Так принято. И окружающие постоянно будут напоминать мне о моем долге... – сдержанно отозвалась Томо.

То была заведомая ложь. Томо из последних сил боролась с собой, пытаясь обуздать бушевавшие в ее груди страсти.

Идея взять в дом наложницу пришла мужу в голову примерно год назад. Его подчиненные в неумном стремлении угодить господину доводили Томо до белого каления, на все лады муслируя эту тему на банкетах и пирушках.

«Госпожа... У вас такой большой дом, вам просто не обойтись без помощницы!»

«У господина секретаря столько забот, столько работы... Нужно позволить ему развлекаться на стороне, ему нужно разнообразие! Сделайте снисхождение...» – то и дело раз-

давались их лъстивые речи. Вообще-то Сиракава терпеть не мог подхалимства и лизоблюдства, однако сейчас даже не делал попыток осадить наглецов, дерзивших законной супруге. Из чего следовало, что он просто использовал подчиненных, чтобы довести до сведения Томо свои скрытые намерения. Томо достаточно хорошо изучила повадки мужа, прекрасно знала его распушенность и уже не питала той незамутненной, чистой любви, что в первые годы замужества, однако все еще была во власти мужского обаяния Сиракавы. Она родилась в семье самурая невысокого ранга, принадлежавшего к прежде могущественному, но теперь захиревшему клану Хосокава. Молодость ее пришлась на смутные годы перед Реставрацией Мэйдзи⁹, так что у нее было мало шансов получить приличествующее образование и уж тем более совершенствоваться в искусствах. Томо выдали замуж юной девочкой, и исполнять роль супруги большого чиновника было для нее нелегким делом. Огромное хозяйство, светские обязанности... Но Томо возвела в принцип жизни заботу о муже и доме. Она неусыпно пеклась о семье, не упуская ни мелочи, – чтобы никто не смог упрекнуть ее даже в малейшей оплошности. Всю свою нерастрченную любовь и ум она

⁹ Реставрация Мэйдзи – буржуазная революция в Японии. Реформы, начавшиеся в 1868 году, привели к коренным изменениям в экономике, политике, культуре и социальных отношениях. Они носили буржуазный характер и способствовали превращению Японии из феодальной страны в капиталистическую. Реставрация Мэйдзи положила конец эпохе правления военных правителей (сёгунов) и восстановила власть императора.

фанатично дарила семье Сиракава, – в первую очередь, супругу и господину.

Потому-то, наверное, Томо выглядела немолодой, многоопытной и умудренной, хотя ей только-только исполнилось тридцать. Не красавица, но вполне привлекательная Томо истово заботилась о своей наружности, так что вряд ли можно было сказать, что она увяла до срока. Однако нечто неуловимое – то ли врожденная сдержанность, то ли тяжкое бремя долга, – погасило в ней дразнящую зрелую чувственность, присущую женщинам ее возраста, так что сам Сиракава не раз поражался житейской мудрости женщины на добрый десяток лет моложе его. Временами жена казалась ему старшей сестрой. Впрочем, ему-то было прекрасно известно, какая горячая, обжигающая, словно горящее масло, кровь течет в жилах Томо. Внешняя холодная невозмутимость только скрывала это. О, он знал ее сдержанный жар, столь похожий на раскаленное солнце их родного Центрального Кюсю. Однажды ночью, когда Сиракава еще служил в Ямагате, к ним на ложе пробралась под москитную сетку змея. Проснувшись от внутреннего толчка, Сиракава ощутил прикосновение к голой коже чего-то влажного и холодного. В недоумении он провел по груди рукой – и липкая струйка вдруг потекла через пальцы.

Сиракава вскочил с диким криком. Томо тоже проснулась и резко села. Поднеся к постели стоявшую в изголовье лампу, она увидела на плече у мужа тонкий черный шнурок, от-

ливавший жирным, маслянистым блеском.

– Змея! – успел выдохнуть Сиракава, – и в то же мгновение рука Томо непроизвольно метнулась вперед. Она перевалилась через Сиракаву, спотыкаясь, выбежала на веранду и вышвырнула скользкую гадину в темный сад. Ее бил крупная дрожь, однако от обнаженной груди, белевшей в распахнутом вороте кимоно, от обнаженной руки исходила поистине животная мощь, которую Томо обычно скрывала от окружающих.

– Зачем ты выбросила ее? – недовольно пробурчал Сиракава, лишенный мужской прерогативы проявить силу. – Нужно было убить эту тварь!

Жар, исходивший от Томо, буквально ошеломил его, раздавил своей силой, – и с той ночи все было кончено между ними. Сиракава просто не мог заставить себя смотреть на жену как на объект сексуального вожделения. Сила Томо превосходила его и потому рождала чувство неловкости и смущения.

– Люди станут говорить о нас дурно, если мы открыто объявим девчонку наложницей, – заявил он Томо. – Пусть она будет у нас служанкой. Хотя бы для вида... И тебе пусть прислуживает тоже... В самом деле, мысль недурна – взять в дом девушку, которая будет присматривать за хозяйством, когда ты делаешь визиты. Ты же можешь вышколить ее, как тебе надо. Я не желаю портить репутацию семьи, поэтому решил не брать в дом гейшу. Так что полагаюсь на твой выбор. Ты

прекрасно все устроишь сама. Найди и привези мне юную, по возможности, невинную девочку. У тебя прекрасный вкус. Вот, возьми, это тебе на расходы.

И Сиракава положил перед Томо такую толстенную пачку денег, что у нее округлились глаза.

До сих пор, слыша подобные речи от подчиненных мужа, она умудрялась делать вид, что ничего не происходит. Но теперь муж сам поднял тему, и уклониться от разговора было решительно невозможно. Откажись она – и муж сам приведет в дом избранницу. Во фразе «Полагаюсь на твой выбор» заключалось косвенное признание главенства Томо в семье Сиракава. Это странное доверие терзало душу Томо всю дорогу до Токио, до самого дома Кусуми, пока Эцуко и Ёси беззаботно радовались жизни, покачиваясь в коляске рикши, и предвкушали столичные развлечения.

* * *

– Я поняла, – сказала Кин. – У меня есть одна знакомая женщина... Она держит галантерейную лавочку и частенько посредничает в подобных делах... Я попрошу ее заняться вашим вопросом без отлагательств.

Кин перевела разговор в деловое русло, искусно избегая болезненных для Томо душевных нюансов. Она родилась в

семье купцов фудасаси¹⁰ и неплохо знала нравы, царившие в семьях дворян и богатых торговцев в конце Сёгуната¹¹, так что отнюдь не была шокирована услышанным. Мужчина, достигший успеха, был вправе взять в дом наложницу или даже двух. Это добавляло веса всему семейству, возвышало в глазах окружающих, так что к ревности законной супруги частенько примешивалась толика чванливого самодовольства.

Ночью, когда мать и дочь уже лежали в постели, Кин поведала Тоси обо всем этом, понизив голос и бросая опасливые взгляды на потолок, отделявший ее от гостей. Она была так уверена в правоте своих представлений, что удивилась, когда дочь с печальным вздохом проговорила:

– Бедная женщина... Вот вы, матушка, заметили, что за прошедшие годы в госпоже прибавилось достоинства... Что она стала просто великолепно. А мне отчего-то кажется, что это достоинство страдания. Я вся просто похолодела, когда госпожа вошла в дом...

– Страдания всегда сопутствуют богатству, так уж заведено в этом мире, – беспечно заметила Кин. – Как бы то ни

¹⁰ Купцы фудасаси – купцы-комиссионеры (по получению рисовых пайков – жалованья низшим вассалам) в период Токугава. Занимались обращением в деньги рисовых пайков, а также ростовщичеством.

¹¹ Конец Сёгуната – конец эпохи Токугава (Эдо), во время которого Японией правили сёгуны – военные правители, стоявшие во главе военной ставки «бакуфу». Начало токугавскому сёгунату было положено в 1603 году, когда Иэясу Токугава был провозглашен первым сёгуном и объявил своей столицей Эдо (современный Токио), находившийся в центре его восточных провинций. Эпоха сёгуната закончилась с началом Реставрации Мэйдзи.

было, я помогу ей найти хорошую девочку с добрым сердцем. Господин Сиракава сказал, что предпочел бы совсем неопытную... Но сойдет и хангёку¹², если она еще не потеряла невинность...

* * *

В резиденции Сиракавы комнаты были большие, стильные, как в огромном храме, и в них всегда царила гробовая тишина. Маленькая Эцуко пришла в восторг от своей веселой комнатухи на втором этаже в доме Кин: перед ее глазами без устали катила вольные воды широкая Сумидагава, и целый день оттуда несея скрип весел и неумолчный плеск волн. Когда Ёси бывала занята, Эцуко проворно выскальзывала через заднюю дверь на улицу и мчалась к причалу. Она зачарованно смотрела на неспешное движение вод; лизавших сваи под ее ногами, вслушивалась в гортанные крики лодочников на проплывавших баржах. Время от времени в перекрестьях закрывавшей окно деревянной решетки возникало бледное лицо Тоси:

– Осторожнее, барышня, не упадите в воду! – кричала она.

В тот день Кин, как обычно, вместе с Томо отправилась в город.

– Не извольте беспокоиться! – смеялась Эцуко. – Не упа-

¹² Хангёку – гейша-ученица.

ду!

Правильные, четкие черты лица и изящно очерченный овал придавали ей до странности взрослый вид. Маленький пучок, повязанный пунцовой лентой, разительно контрастировал с недетским выражением лица и выглядел просто обворожительно.

– Подойдите сюда, – позвала Тоси. – У меня для вас кое-что есть!

– Иду! – послушно откликнулась Эцуко, направляясь к окну. Ее длинные рукава в алую полоску развевались на бегу. На маленьком клочке земли под окном росли выюнки «асагао». Кин ухаживала за ними, как за детьми, и пять-шесть тонких стеблей тянулись вверх, обвиваясь вокруг бамбуковых колышков. Сейчас, когда Эцуко заглядывала в комнату с улицы, все казалось совершенно иным – и сама комната, и лицо Тоси, и шитье, разложенное у нее на коленях... Тоси продела через решетку худую руку и повертела перед Эцуко сшитой из красного шелка маленькой обезьянкой. Обезьянка была набита ватой.

– Какая прелесть! – Эцуко вцепилась пальчиками в прутья решетки. Она не отрывала глаз от плясавшего на шнурке игрушечного зверька. На ее лице сияла такая беспечная улыбка, что Тоси невольно отметила, что ребенок совсем не скучает по матери.

– А куда ушла ваша матушка? – поинтересовалась она у Эцуко, продолжавшей дергать обезьянку за шнурок.

– По каким-то делам... – ясным голоском отозвалась Эцуко.

– Вы, верно, скучаете, когда ее нет дома?

– Да-а, скучаю, – вежливо протянула Эцуко, но глаза у нее оставались такими же безмятежными. – Но у меня же есть Ёси!

– Ах да, ну конечно, – кивнула Тоси. – У вас же есть Ёси... А матушка всегда занята в Фукусиме?

– Да, – таким же чистым и звонким голоском сказала Эцуко. – У нас много посетителей...

–хлопотно, наверное... А батюшка часто в отлучках?

– Да. Целый день сидит в канцелярии, а вечером его приглашают в разные места. Бывает, и домой гости приходят, так что я частенько вообще не вижу его весь день! Ни разочка!

– О-о... А сколько у вас служанок?

– Три... Ёси, Сэки и Кими. А еще есть мальчик-слуга и конюх.

– Большое хозяйство! Матушка, должно быть, целый день в заботах.

Тоси отложила иголку и улыбнулась. Она вспомнила о девице, которую Томо должна найти в Токио и привезти домой. Интересно, какие перемены принесет она в жизнь Эцуко?

Примерно в это же время Томо и Кин встречались в чайном павильоне с мужчиной-гейшей¹³ по имени Сакурагава Дзэнко. Они сидели на втором этаже заведения, дававшего напрокат лодки. Оно называлось «Удзуки» и стояло на берегу Сумидагавы в районе Янагибаси.

Предоставив Томо роль хозяйки встречи, Кин предпочла скромно держаться в тени. Настоящая фамилия Дзэнко была Хосои, он происходил из семьи хатамото¹⁴, однако жизненные обстоятельства вынудили его опуститься до нынешнего занятия. Тем не менее при всей его несколько чрезмерной общительности Дзэнко нельзя было назвать назойливым или вульгарным, вид он имел изысканно-щеголеватый и разговаривал со старой знакомой Кин непринужденно и естественно, без слащавой манерности, свойственной людям его профессии.

¹³ Мужчина-гейша – актер и своего рода «менеджер» на пирушках с гейшами. В его обязанности входит организация развлечения гостей и исполнение их прихотей.

¹⁴ Хатамото – непосредственные вассалы сёгуна.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.